

МАВЗОЛЕИ МУСУЛЬМАНСКИХ СВЯТЫХ В РАЙОНЕ ИСКЕРА

Иг. В. Белич

There are considered the monuments revering by tobol tatars as mausoleums of Mussulman saints ("astana"). The author analyzes the data on the last ages about the mentioned objects, traces the more archaic, pagan elements in the given complex of ideas making a conclusion on the late inclusion of astana into the Mussulman tradition.

Культ мусульманских святых, под которым в отечественной этнографии принято понимать "почитание и самих могил, и святых мест", преимущественно выраженный "в форме почитания их могил" [Басилов, 1967, с. 6; 1970], по-прежнему сохраняется в народно-исламских верованиях и обрядах сибирских татар. В последние годы наблюдается даже некоторое усиление его значения в религиозной жизни татарского населения региона, проявляющееся в реконструкции некоторых гробниц, а также в проведении регулярных "дней поминовений" местных святых, приобретающих более массовый характер. К примеру, возросла роль культа одного из самых почитаемых тоболо-иртышскими татарами святого — Хакима шейха, действующая и заново восстановленная гробница которого находится в юртах Баиш (Баеш) в Вагайском районе Тюменской области (полевые материалы автора, июнь 1996 г.).

Вместе с тем нельзя не отметить общий процесс деформации и забвения культа святых: многие персонажи местной мусульманской агиологии забыты, хотя имеются сами конкретные захоронения, генеалогические предания — *сэчэрэ* сохранились фрагментарно или вообще отсутствуют, большинство уцелевших надгробий на святых местах полуразрушены. Такое положение является следствием общего процесса этнокультурного развития сибирских татар, протекавшего в XX в. (и в более ранний период) и затронувшего многие сферы народной культуры, которые оказались вытесненными на периферию этнической культуры современным индустриальным обществом.

В связи с этим нынешнее состояние изученности культа мусульманских святых и культовых памятников данного типа у сибирских татар можно охарактеризовать как крайне недостаточное, хотя отдельным вопросам уделялось внимание в работах Ф. Т. Валеева [1965, с. 307–309; 1993, с. 169–173], В. И. Соболева [1994б, с. 140–142], А. Г. Нестерова [1988, с. 9–10], а также автора [Белич, 1988, с. 103–106; 1994, с. 28–30].

По нашим историко-этнографическим материалам и исследованиям упомянутых авторов, такие памятники в Тоболо-Иртышском междуречье связаны с местами захоронений преимущественно среднеазиатских исламских миссионеров (*авлия* — "святые"; *иашилар*), принадлежавших к суфийскому братству *накшбандийя* (ходжей, сеидов, шейхов), погибших здесь в религиозно-военных столкновениях с татарами-шаманистами в докучумовскую эпоху — в конце XIV в. или, по нашей датировке, в конце XV — начале XVI вв. [Белич, 1987; 1988, с. 103–106]. Могилы святых с возведенными над ними сооружениями и территория вокруг погребений получили у сибирских татар название *астана* (от арабск. *астанэ* — букв. "порог двери", "вход во дворец").

Кроме того, на основе сопоставления этнографических материалов и письменных источников, прежде всего известного перевода Н. Ф. Катанова двух татарских рукописей Тобольского музея, опубликованных под названием "О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири" [Катанов, 1903, с. 133–148], были верифицированы отчасти сами источники, а также очерчен ареал раннего распространения ислама, соответствующий территориям формирования в основном тобольских, курдакско-саргатских и, возможно, группы тюменских татар [Белич, 1987, с. 42].

Наконец, наши дальнейшие исследования позволили установить, что культовые памятники возникали как в эпоху Кучума (а культ святых был им не только официально установлен, но и служил важным инструментом государственно-религиозной политики), так и в посткучумовское время, т. е. во второй половине XVI и XVII–XVIII вв., что соответствует второму и третьему этапам исламизации сибирских татар. Причем в эпоху Кучума этот процесс происходил за счет тех же исламских миссионеров из Средней Азии и, вероятно, из Казанского ханства, а позднее — на

становившейся местной силой в рамках сформировавшихся ритуально-магических институтов. Необходимо по-прежнему считать, что, несмотря на наличие некоторых источников, в этих работы, на них опирающиеся (Григорьев, 1989, с. 140-142; Сабитов, 1994, с. 140-142; Валеев, 1995, с. 166-172; Салимов, 1999, с. 127-128, и др.), в это периоды историческому образованию в итоге была подвергнута значительная часть, вероятно-фольклорная и тюркская часть, старинные культы Баба-Банды, у которых по некоторым утверждениям лишь в середине XIX в.

В данной статье автор представляет исследование культа святых у сибирских татар в историческом аспекте с привлечением данных из литературы, опубликованные печатные источники и полевые материалы.

В упомянутом труде Н. В. Козырева (1985, с. 22) упоминаются татарские дружины, принадлежавшие царю Сая-Банде Акмуратову и Кашафу Абу-Самарову, царю с тюркскими по 18 историческим источникам, существовавшим в 1284-1285 гг. и названным с распространением имени царя персидского и частично урмийского населения Самары Тимурчином, при котором происходило „...образование 30 тыс. воинов, которых и делили, вместе с их женой и детьми, на 30 тыс. семей, по 100 человек в каждой“.

В начале списка называются имена четырех “из почитающих на берегу Иртыша святых”: “в Искере почтенный шейх Айкани; там же пред Искером шейх Бирий (Пирий); шейх Назар; шейх Шербети; все трое были родные братья, из внуков Зенги-бабы” [Там же]. Зенги-баба (Зенги б. Абдмалик, Зенги-Ата) — имя очень популярного в тюркском среднеазиатском фольклоре средневекового святого, являвшегося духовным потомком основателя мистического братства *иясавийа* — Ахмада ал-Йасави (ум. 1166). Мавзолей последнего — главная святыня его последователей, находится в г. Туркестане [Сухарева, 1960, с.

95]. По мнению автора, что с данными сведениями необходимо обратиться к Валиевым (Валиев, 1989, с. 95). Имя Зенги-Баба (ум. 1285) упоминается впервые в Тарихе Бар-тогда, 1888, с. 142. В упомянутом труде царя Самары Абу-Самаров, Кашаф и Тимурчином или этот исторический сюжет, напоминающий о древней иранской культуре, стал ассоциироваться с образом “друзей-воинов” (саванов) царя-деспота по по Валиевым, 1989, Ташкент, ... 1987, и др.).

В верованиях сибирских татар Занги (Санги) баба также считался “хозяином” коров, двора, “он жил в хлеву, покровительствуя домашним животным” [Валеев, 1976, с. 325].

Шейхи Бирий, Назар и Шерпети, вероятно, реальные исторические личности, как мы попытались это показать в отношении шейха Шерпети [Белич И. В. Культ святых астана сибирских татар в истории Сибири. В печати], и названы внуками Зенги-бабы.

Вопрос о том, действительно ли существовали эти личности, и в каком виде они существовали, — вопрос, который для автора (Григорьев, 1989; Григорьев, что касается его статьи “Самые древние...” — с. 4, где речь о царях-друзьях, в “А. Искер” — шейх Айкани, Тимурчином, в районе Банды) остается открытым. Вопрос о том, действительно ли существовали эти личности, и в каком виде они существовали, — вопрос, который для автора (Григорьев, 1989; Григорьев, что касается его статьи “Самые древние...” — с. 4, где речь о царях-друзьях, в “А. Искер” — шейх Айкани, Тимурчином, в районе Банды) остается открытым. Вопрос о том, действительно ли существовали эти личности, и в каком виде они существовали, — вопрос, который для автора (Григорьев, 1989; Григорьев, что касается его статьи “Самые древние...” — с. 4, где речь о царях-друзьях, в “А. Искер” — шейх Айкани, Тимурчином, в районе Банды) остается открытым.

Исследование последних лет позволяет констатировать, что в 17-й и 20-й столетиях сведения, относящиеся к личности Сая-Банды и Кашафа, имеют полный аналог в средневековых историко-географических материалах (табл.). Однако подтвердить данные в отношении святых покровителей в районе территории Искер нам не удалось. Следовательно, имена первых четырех из перечисленных в документе святых святых, как и места их погребения, в какой-то мере не соответствуют, но могут вспомнить сведения в достоверности сведений, приведенных в документе. В связи с этим возникает вопрос: представляется ли вообще такое табл. ритуально-магический культ святых покровителей в районе средневекового Искера?

Археологические работы, проведенные в районе археолога М. С. Валиева, В. Н. Печерца, В. П. Павлова, В. В. Семеновича, А. П. Васильева на территории территории, не позволяют с определенностью ответить на этот вопрос. В Сибирском историческом обществе Искера отсутствует. Нам остается лишь предположить, что в период средневекового Искера Искером не действовал дифференциальный культ (Сабитов, 1994, с. 92), в частности во время правления Бурхан, в нем должна была находиться святая. Возможно, что при этом существовал и культ